

Прошло десять долгих лет, и все же дом Дурслей почти не изменился. Обширные сады все еще цвели, каменные стены дома все еще были увиты плющом, а в гараже все еще можно было найти припаркованный "Мерседес" последней модели. Но, несмотря на то, что дом остался прежним, жизнь его обитателей изменилась до неузнаваемости.

Семейные фотографии, на которых когда-то были изображены двое молодых родителей с пухлым мальчиком на руках, теперь стали изредка содержать четвертую персону. Малыш превратился в довольно крупного одиннадцатилетнего мальчика без шеи и с красноватым цветом лица. Вернон тоже прибавил в весе, его усы стали гуще, как будто они должны были соответствовать его талии. Петунья, тем временем, была такой же худой и длинношеей, как всегда, но ее светлые волосы теперь были выкрашены, чтобы скрыть слабые признаки седины.

Четвертой персоной на некоторых фотографиях была Виктория. Симпатичная девушка с длинными черными волосами и ярко-зелеными глазами, на каждой фотографии ее можно было увидеть стоящей немного в стороне, как будто она была не совсем на своем месте. Шрама, который когда-то портил ее лоб, нигде не было видно, а ее безупречная кожа имела загар, намекающий на долгие часы, проведенные в саду.

Именно там ее и нашли одним солнечным днем летом 1991 года. Виктория любила сад; это была, безусловно, ее любимая часть дома, и она знала названия каждого цветка, дерева и куста, которые там росли. Ей нравился сладкий аромат, исходивший от вьющихся живых изгородей, полных розовых роз. Ей нравился пруд в дальнем конце сада, в центре которого плавали водяные лилии. Возможно, самое главное, ей нравилось, что ее надоедливый кузен Дадли редко отваживался отойти достаточно далеко от телевизора, чтобы найти ее там.

Ей бы хотелось помочь садовнику, который приходил два раза в неделю, с посадкой, обрезкой и стрижкой, но Петунья строго-настрого запретила это. Очевидно, садоводство не было подходящим времяпрепровождением для юных леди, сопряженным с риском испачкать колени и запачкать платье травой, поэтому Виктория была вынуждена развлекаться другими способами - способами, о которых Петунья не знала.

- Виктория! Где ты?

Виктория игнорировала голос Петунии. Она была глубоко в саду и могла легко притвориться, что не слышала свою тетю, которая находилась в доме. Вместо этого она продолжила свою миссию по убеждению белого жасмина подарить ей один из своих цветков.

- Сегодня вечером я еду в Лондон, и это очень важно, - объяснила она, обращаясь к массе звездообразных цветов, которые росли вокруг решетчатой арки. - Я просто знаю, что была бы там самой красивой девушкой, если бы ты подарил мне свой цветок. У тебя так много свободного времени, чтобы они выросли... пожалуйста, можно мне один? - она сделала паузу, ожидая, ответит ли растение, и действительно, с вершины арки медленно спустился одинокий белый цветок, мягко приземлившись в ее протянутую ладонь. - Спасибо.

С хорошо отработанной фамильярностью Виктория взяла цветок и потеряла его между запястьями, выпустив необычайно мощный взрыв аромата. Она будет пахнуть жасмином в течение нескольких часов, более свежим и стойким, чем любые духи из магазинов.

Она, честно говоря, не могла вспомнить, когда впервые поняла, что может делать то, чего не могут другие люди. До тех пор, пока к ней возвращались воспоминания, она делала то, что казалось ей естественным. Разве не было очевидно, что если вы привязали перо к предмету, вы могли бы заставить его летать? И разве не было ясно, как божий день, что если вы хлопнете

около свечи, то можете испугать ее и зажечь?

Ей потребовалось время, чтобы понять, что она другая, что ее способности отличаются. Став старше, она начала понимать, как должен был работать мир, но даже сейчас ей было трудно отличить, что нормально, а что нет. Конечно, она уже давно научилась держать свои мысли при себе, потому что Дурсли ужасно злились всякий раз, когда она говорила что-то неестественное, а девочки в школе просто смеялись над ней, как над идиоткой. Глупышка Вики, как они ее называли, со снисходительными улыбками и удивленными взглядами, которые, как они думали, она не замечала. Это заставляло ее чувствовать себя душой.

Виктория ненавидела это чувство. Она знала, что это не так - у нее всегда были высокие оценки по английскому, истории, географии и французскому, и она могла вспомнить то, что ей говорили много лет назад, даже не задумываясь об этом. Но она была последней в классе по естественным наукам и математике, отставая так далеко, что школа написала несколько писем Дурслям по этому поводу.

Все это было очень несправедливо по отношению к Виктории. В конце концов, не ее вина, что мисс Гримшоу не знала, что число семь отказывается делиться. И как ее можно было винить, если мистер Брэдли не понимал, что растения растут потому, что им поет ветер?

- Виктория! Вот ты где!

Петунья спустилась по садовой дорожке, одетая в светло-голубое вечернее платье и свои лучшие украшения. В одной руке она сжимала пару туфель на высоких каблуках, а другой придерживала длинную юбку своего платья, чтобы оно не волочилось по траве.

Петунья воскликнула от ужаса, когда как следует рассмотрела Викторию. - О, ты только посмотри на себя! Ты даже близко не готова. А теперь быстро иди в дом, умойся и оденься до шести!

- Да, тетя Петунья.

Она поплелась обратно в дом, взяла свежее полотенце из шкафа для проветривания и направилась в ванную в конце коридора - она была единственным членом семьи, у которого не было ванной комнаты. Она приняла душ так быстро, как только могла, стараясь не намочить волосы, но как только она высохла, то в итоге потратила уйму времени, пытаясь решить, какое платье надеть.

Дело было не в том, что у нее было слишком мало одежды. Шкафы занимали целую половину ее спальни, и это была не маленькая спальня. Заваленные стопками книг, с большой двуспальной кроватью в центре, стены были выкрашены в бледно-розовый цвет, а большое эркерное окно выходило в сад.

Нет, проблема заключалась в слишком большом выборе. В конце концов, она решила проигнорировать синее платье, которое Петунья разложила на ее кровати, и выбрала темно-зеленое платье с короткими рукавами и длинной юбкой. Она предпочла бы надеть более легкое летнее платье, учитывая стоящую жару, но знала, что Петунья этого не допустит. Никто не надевал летние платья на официальные мероприятия.

Виктория натянула платье через голову и оглядела себя в зеркале в полный рост. Платье выглядело хорошо, но ее волосы были в беспорядке. Она сморщила нос и напряглась, как будто хотела оттопырить уши. Внезапно ее волосы ожили: они выпрямились, покачиваясь, а затем начали заплетаться в две тонкие голландские косы, которые завязались на затылке, как обруч.

"Да, это выглядит неплохо," - подумала она, рассматривая свое отражение. Она была уверена, что ни одна из других девушек не сделала бы себе прическу в таком сложном стиле, и она обязательно получит за это хотя бы несколько комплиментов. В конце концов, нормальной девушке потребовались бы часы, чтобы сделать нечто подобное правильно.

Впервые она обнаружила эту способность, когда ей было семь лет, после возвращения из парикмахерской с ужасной стрижкой. В момент крайнего сожаления ее волосы, словно по волшебству, вернулись в прежний вид. Дурсли пытались притвориться, что этого никогда не было, как они делали каждый раз, когда вокруг нее происходило что-то странное, но Виктория не забыла.

Способность, казалось, росла вместе с ней. К тому времени, когда ей исполнилось девять, она могла изменить почти все в том, как она выглядела внешне. Вот почему ее волосы росли прямыми без необходимости расчесывать их, и именно поэтому ее кожа сохраняла здоровый загар всю зиму. Она даже придала своему носу более симпатичный вид, сделав его узким и слегка приподняв на конце. Однако серьезные изменения были гораздо более трудными. Как она ни старалась, она не могла стать выше. На самом деле, ей потребовалась вся ее концентрация и усилия только для того, чтобы убрать шрам со лба.

Ее размышления были прерваны пронзительным голосом Петунии. - Виктория! Ты готова?

Она надела туфли-лодочки и поспешила вниз, чтобы найти Дурслей, ожидающих в вестибюле. Вернон и Дадли были одеты в одинаковые вечерние костюмы, их ботинки блестели от полировки, а Петуния надела туфли на высоких каблуках.

Если Виктория надеялась на комплименты от своей семьи, ее ждало разочарование. Глаза Петунии сузились, когда она увидела зеленое платье. - Это не то, что я разложила, - сказала она отрывисто. - Разве ты этого не видела?

Виктория посмотрела на свое платье. - Это мое любимое.

- Да, но ты уже надевала его на прием в прошлом месяце. - Петуния вздохнула. - Ну, теперь уже слишком поздно что-то менять! Только не приходи ко мне с нытьем, если кто-нибудь это заметит!

Вернон посмотрел на часы. - Любимая, нам лучше выходить сейчас, а то мы опоздаем.

Они сели в «Мерседес» и отбыли в Лондон. Их целью было престижное мероприятие: роскошный бал, политический сбор средств, на котором присутствовали министры правительства, включая даже премьер-министра. Вернон заплатил бешеные деньги за билеты, и у него были большие планы на вечер.

- Теперь помните, мы едем не просто так, - произнес Вернон, когда они проезжали через Ричмонд. - Правительство одобрило продление линии метро, и если бы «Граннингс» могла поставлять буры для прокладки туннелей, это было бы настоящим прорывом в нашей работе. Но для этого нам нужно произвести хорошее впечатление на министра транспорта. Петуния?

- Я должна поговорить с женой священника, - сказала Петуния. - Их сын недавно поступил в Оксфорд, и она очень гордится этим.

- Хорошо, - сказал Дурсль. - Дадли?

- Я буду с тобой, - сказал Дадли. - Я собираюсь рассказать всем, как сильно я с нетерпением

жду поступления в «Смелтингс» в следующем году.

- Молодец, мальчик, - похвалил он. - Сын министра тоже отправился в «Смелтингс», так что для нас это шанс. А ты, Виктория?

Она вздохнула. - Я должна держаться в стороне, выглядеть красиво и помнить, что меня должны видеть, а не слышать.

Вернон кивнул. - Верно. Что мы всегда говорим?

- Дети должны говорить только тогда, когда к ним обращаются, - продекларировала Виктория. Она не потрудились указать на очевидное противоречие в их правилах - тот факт, что Дадли собирался все время разговаривать со взрослыми. Виктория давно усвоила, что возражения никогда ни к чему ее не приведут.

- И тебе не мешало бы это наконец запомнить, - строго сказал Дурсль. - А теперь, что ты скажешь, если кто-нибудь заговорит с тобой?

Она закатила глаза, уверенная в том, что дядя Вернон не мог видеть ее на заднем сиденье машины. - Я скажу им, какие вы великодушные, и как я благодарна вам за то, что вы приютили меня после того, как мои родители погибли в автокатастрофе.

- И прежде всего?

- Я не должна говорить ничего странного или неестественного.

- Чертовски верно, - произнес он. - Этот вечер слишком важен для нас, и я не потерплю, чтобы ты испортила его, так что просто держись особняком и будь благодарна, что мы вообще взяли тебя с собой.

Лекция закончилась, в машине снова воцарилась тишина. Вскоре после этого они прибыли на место проведения бала, в модный отель «Мэйфор», построенный в георгианском стиле, с нарядно одетыми швейцарами у дверей, которые проводили их в зал. Отель уже был заполнен гостями, все они были элегантно одеты, мужчины в смокингах, как Вернон и Дадли, а женщины в платьях всех мыслимых цветов.

<http://tl.rulate.ru/book/73152/2024014>